

Добрыня Никитич млад

Во стольном городе во Киеве,
У ласкова князя да у Владимира
Заводилося пированье и почестен пир.
Съехались да люди званья,
Богатыя и бедныя,
И руски богатыри.
Все на пиру да принапивалисе,
И все-ти да принаедалисе.
Тут они да за столами прирасхвастались.
Умной хвастат своей матушкой,
Неразумной хвастает молодой женой,
Сильной хвастает своей силушкой,
Богатой хвастат золотой козной.
Встаёт тут да Владимир князь,
Говорит-от он да таковы слова:
«Кто бы съездил да в Ордыни Сорочинския
И перебил бы ту чудь белоглазую,
И тех черкес со тотарами,
И очистил бы дорогу прямоежую
Да к моему тестю любимому».
Тут да все за столами приумолкнули,
Большей прячется за среднего,
Средней прятиче за малого,
А от малого и ответа нет.
Тут встаёт да Добрынюшка
И говорит таковы слова:
«Съезжу я, да Владимир князь,
И очистю я дороги прямоежия
К твоему да тестю любимому —
Перерублю я всю чудь белоглазую,
Всех черкес со тотарами!»
Наливают ему тут да чару
Зелена вина в полтора ведра,
Берет он чару да единой рукой,
Выпивает чару да на единый дух.

И пошел он да к своей матушке
Мамельфы Тимофеевне,
Закручинился и запечалился.
Мать его и спрашивает:
«Что же ты, дитя, невесел стал?
Может, тебя обнесли чарочкой
Или кто надсмеялися?» —
«Нет, никто надо мной не надсмеялся,
И не обнесли чарочкой,
А я еду да в Орды Сорочинския,
И бить чудь белоглазую,
Очищать дорогу прямоежую
Ко евоному тестю любимому!»
Сдевает он платие цветное,
И одевает платие богатырское,
И пошел коня седлать.
Узнала это матушка, что он ушел коня седлать,
И побежала к евоной жене Настасьи Никуличной.
А она в одной сорочки сидит в комнаты,
И говорит она Настасьи Никуличней:
«Закатаится да наше красно солнышко,
За те-то горы высокия,
За те-то леса дремучия,
Уежает он да во чисто поле».
Тут она выскочила в одной сорочки
И тоненькиф шелковыф чулочках.
Подбегает она да к правому стремени
И говорит ему:
«Когда тебя ждять, Добрынюшка, из чиста поля,
Сколько <v>ремени — год или два?» —
«Жди меня целыф три года,
Если не вернусь, то не считай живым,
Тогда хоть вдовой живи, хошь взамуж иди,
Хо<ть> за князя, хоть за боярина,
Хож за русского богатыря,
Только не ходи за Алешу Попов<ича>».
Попрощался и поехал.
Первый ускок скочил — за пять верс<т>,
Второй ускок скочил — и не могли найти,

И след простыл.
Бьется он с ратью бесчисленной,
Бьет о<н> чудь белоглазую,
Всех черкес со тотарами,
Не секет столько,
Сколько ногами то<п>чет своим конем:
Перебил всех, перетоптал до единого
И ездит по полю — разгуливает.
Живет Настасья Никулична дома
И ждет Добрыню из чиста поля.
День за днем — будто дождь дождит,
Неделя за неделей — как трава растет,
Год за годом — как река бежит.
Прошло тому времени три года —
Нет Добрыни из чиста поля.
«Ну, — говорит Настасья Никулична, —
Выполнила заповедь мужнину,
Выполню запо<в>едь свою три год».
Опять день за днем — будт<о> дождь дожди<т>,
Неделя за неделей — как трава растет,
Год за годом — как река бежит.
Опять прошло время три года.
Настасья Никулична закручинила и запечалилась:
«Наверно, Добрыня убит леж<ит>».
И живет она вдовушко<й> печальная.
Вдруг приезжает из чиста поля
Тот да богатырь Алеша Попович
И привозит весточку нерадостну, что:
«Ваш да Добрынюшка убитый лежит,
Я сам видел его.
Проросли его кудри желтыя
Той да травенькой шелковою!»
Настасья и матушка ище пуще загоревали о Добрын<юшке>.
Тут князь Влодимер со кнегиною
Стали к Настасьи Никуличной подхаживать
И за Алешу Поповича подсватывать.
Она забыла заповедь мужнину,
Что за Алешу не велел ходить.
В скором времени и свадебка началась, и пир поше<л>.

А в этот день Добрыня во своем шатре спал в чистом поле,
А конь у шатра стоял привязан.
Конь стал бить копытами
И заговорил человеческим русским языком:
«Что же ты спишь, Добрынюшка, прохлаждае<шь>ся,
Невзгоды своей не знаешь,
Что у тебя Настасья Никулична
Взамуж пошла за того-т<о> Алешу Поповича?
Уже сегодня день свадьбы — за столом сидят!»
Соскочил Добрынюшка
И скорей оседлал коня и сел поехал.
Реки-озера — броду не спрашивал,
С крежа на креж перескакивал,
Мелки леса промеж ног пускал.
Подъезжает ко своему двору-терему,
Придворнико<в> не спрашивают,
Приворотни<ков> отталкивает.
Заходит в гридю к своей матушки
К Мамельфы Тимофе<евне>,
Крес<т> ведет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому:
(Поклоняется — матушки на особиню поклонился.)
Слуги-дворники идут жалуются:
«Приехал какой-то невежество,
Нам и челом не бьет, всеф нас отталкивает».
Тут и говорит Мамельфа Тимофеевн<а>:
«Ах, кабы было у меня чадышко Добрынюшко,
Не заехало бы тако невежество!» —
«Это я-то и есть твой сын Добрынюшка!» —
«Ну-ка сдень с правой ноженки сапог,
У моего-т<о> чадышка было родимое пятнышко!»
Он раздел сапог,
Она узнала тогда своего сына.
Тогда он сдевает платье дорожное
И просит платье скоморошное.
Одевает платье скоморошное
И берет гусли со струнами,
И идет на княжески<й> двор,
И заходит в гридни столовые.

В то время пир в разгаре был,
Садится он на печной столб.
И заиграл в гусли, запели струночки.
Сидит Настасья Никулична и удивляется:
«Игра — как у моего прежнего мужа, Добрынюшки!»
Игра князю Владимиру со княгинею Апраксией пондравилась.
Стали они его за стол садить:
«Садитесь, скоморошина, с нами за стол,
Перво место даю возле меня,
Второе место супротив меня,
Третье место — куда са<м> желаешь».
Тут он не сел возле его.
И не сел супротив его,
А сел против своей жены Настасьи Никуличной.
Наливают ему чару зелена вина,
Выпивает он ету чарочку,
И просит он вторую:
«Я подам, я подам, кому за<хо>чу!»
Налили ему чарочку.
И он незаметно спустил ейное именное кольцо в чарочку.
И подает Настасьи Никуличной.
Та взяла пет<ь> и останавливается.
«Пей, говорит, до дна — увидишь добра,
Не выпьешь до дна — не увидишь и добра!»
Она выпила до донышка,
И подкатилось кольцо губам,
Взяла она и узнала, что ейно именное золотое.
Тут она и ахнула и говорит:
«Не тот мой муж, которой возле меня,
А тот мой муж — супротив меня».
Тут закипело у Добрынюшки сердце богатырское,
Схватил он да Алешу Поповича за желты кудри
И хотел ударить о кирпичный пол.
Да захватил Илья Муром<ец>,
Говорит Илья:
«Он не виноват, виноват князь со княгинею —
Они сватались ко ней!»

(Самозапись сказителя О(А)ксенова Егора Трофимовича, 70 лет, из д. Лебское Лешуконского р-на; сделана 17 июня 1961 г.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 3: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2003.